

расселили. А ночью началась стрельба. Было непонятно, что происходит. Жена нашего уполномоченного Гусева находилась в этот момент в гостях у соседей, местных жителей. Когда сосед вышел провожать жену Гусева, он увидел военных в советской форме и сказал им: «Я люблю советскую власть». А эти солдаты полоснули по нему автоматной очередью и убили. Жена Гусева была дородной женщиной. Пули не задели ее жизненно важных органов, но перебили ноги. Выродки убежали, а ей с трудом удалось доползти до дома... Вот что такое — бандеровщина.

Старший брат Антонины Петровны, Василий (1923 г. р.), пропал без вести. Позже выяснилось, что брат и сестра воевали в одном городе, даже не подозревая об этом. И только сорок три года спустя Антонина Петровна получила извещение о том, что брат еще в 1942 году погиб на Сталинградском фронте. Младшая сестра Евгения умерла в сорок шесть лет, и Антонина Петровна взяла к себе маленькую племянницу Лену, воспитав ее, как родную дочь.

— Совсем другая раньше была молодежь, — вспоминает Антонина Петровна. — Мы любили Родину, были энтузиастами. И такими дружными! Вечерами, когда за столом собиралась вся семья — дедушка, бабушка, мама и мы — Вася раздавал нам тетрадочки. Диктант! Он диктует, а мы пишем. И маме он делал такие замечания: «Мария Степановна, ну почему же ты где не надо ставишь запятые?» А мама ему отвечала: «Я люблю запятые, поэтому их и ставлю». Вот такие были семьи: большие и сплоченные.

Несмотря на возраст, Антонина Петровна продолжает работать Председателем Совета ветеранов Сталинградской битвы в Санкт-Петербурге. Ведет экскурсии в музей известного советского военачальника Василия Ивановича Чуйкова в школе №113.

— Общественная деятельность подходит моему характеру, — признается ветеран.

Антонина Петровна всегда рада гостям. Это удивительная женщина, полная энергии, идей и вдохновения. Какое счастье, что мы имеем возможность общаться с такими людьми и учиться у них жить по-настоящему!

Александра
Башмакова,
Екатерина
Ефимова
Детские
воспоминания
о недетской блокаде

Когда началась блокада Ленинграда, в сентябре 1941 года, Валерию Борисовичу Фридману был один год и три месяца.

— Конечно, я самого начала блокады не помню. Вряд ли я вообще мог бы понять тогда, что это такое, когда люди умирают с голоду. Какая это трагедия...

Семья Валерия Борисовича жила тогда на Васильевском острове, на пятнадцатой линии, между Средним и Большим проспектами, в доме 22, в коммунальной квартире.

— Забегая вперед, могу сказать, что все люди, жившие с нами в этой квартире и оставшиеся в блокадном городе, умерли.

Мужчины ушли на фронт в первые два года войны. Отец Валерия Борисовича также был призван в армию в 1942 году в качестве санинструктора. Служил он в части, которая стояла в районе Синявина Ленинградской области.

— Папа погиб в 1943 году при штурме Синявинской высоты, когда наши войска брали так называемое немецкое бутылочное горло, образовавшееся на южном берегу Ладожского озера.

Там же, в братской могиле, он был похоронен. Валерий Борисович ежегодно ездит туда, чтобы положить цветы на могилу отца.

— Моя профессия — экскурсовод, и я специально разработал программу для экскурсии, которая проходила через Синявинские высоты, через легендарный «Невский пятачок» и Шлиссельбург. Поэтому каждый год я посещаю эту братскую могилу.

Что рассказать о блокаде?

— Я очень хорошо помню обстановку в коммунальной квартире. Мы собирали по всем комнатам одеяла умерших людей, и этими одеялами забива-

ли зияющие глазницы окон, потому что стекол не было, и мы мерзли. Чтобы как-то сохранить тепло в комнате, два огромных окна завешивали одеялами, забивали гвоздями.

Помню печку-буржуйку, а на ней — чайник и металлическую кружку. Ими грели воду, принесенную из Невы. Нева была недалеко.

Всю блокаду, особенно зимой 1942 года, ходили к Неве на набережную Лейтенанта Шмидта, где стоит памятник Крузенштерну. Спускались к воде. Там были сделаны проруби, из которых черпали воду.

Пару раз я видел трупы, лежащие на льду. Это было одно из ранних воспоминаний в начальный период блокады. По рассказам мамы я очень сильно болел, и она меня оставляла дома, ходила сама за водой. Сестра тоже ходила, ей было четырнадцать лет, и она работала в госпитале санитаркой. Ухаживала за ранеными, писала за них письма, и, должен сказать, сестра очень грамотно и правильно ухаживала за мной. Она, вместе с нашим доктором Богомоловой и мамой, спасала меня от смерти.

По рассказам мамы я знаю, что когда вызывали доктора из детской поликлиники, она, входя в квартиру, говорила: «Жив? Ну, будем спасать, если жив».

Спасало их еще и то, что папа Валерия Борисовича до войны был сладкоежкой, и у него скопилось какое-то количество шоколадных плиток.

— Помню, как мама отламывала по маленькому кусочку шоколада и клала мне в рот. Сам я жевать ничего не мог: у меня была цинга невероятная, зубы выпали, десны торчали изо рта и кровоточили. Вот это я хорошо помню.

Блокадная кухня

В 1943 году были открыты детские кухни, в которых готовили кашу на воде.

— Мама приносила мне чечевичную чашку, а я ел и плевался: не любил эту кашу!

Позже, в 1946 или 1947 году, когда отменили карточки, и мне было уже семь лет, мы пошли в магазин. В бакалейном отделе я увидел чечевицу — и вспомнил, как меня ею кормила мама. Я попросил маму купить чечевицы и сварить мне чечевичную кашу, как в блокаду: на воде, без масла, без соли, без сахара... без всего. И мама, улыбаясь, купила этой крупы и сварила «блокадную» чечевичную кашу — и, как в том раннем детстве, я плевался! С трудом съел только чайную ложку этой каши, больше не смог. Я до сих пор не ем чечевицу...

Помню, мама вымачивала лебеду и делала из нее лепешки. Когда я подрос, мы ходили на Смоленское кладбище, которое было недалеко, и рвали крапиву. Мама варила щи из крапивы. Это было очень вкусно — настоящий праздник.

Игра в карточки

— Мне было года четыре. Соседские дети, жившие в нашем подъезде, часто забегали к нам. Самой увлекательной, самой интересной детской игрой была игра «в карточки». Мы брали линейку, карандаш, газету, чертили на ней квадратики наподобие продовольственных карточек, брали ножницы и отрезали эти квадратики, будто резали хлебные карточки... И мечтали, что вот сейчас купим на них хлеба.

Страшный день

Январь 1944 года. Немцы, отступая, продолжали сбрасывать бомбы на осажденный город.

— Теперь мы уже знаем, что в это время шло наступление Ленинградского и Волковского фронтов и Балтийского флота по ликвидации Стрельнинско-Петергофской группировки войск противника. Но тогда всем было просто страшно. Я не понимал, что происходит, и тоже был напуган.

24 января. На родильный дом имени Видемана, что на углу 14 линии Большого проспекта Васильевского острова (теперь там роддом №1) упали две авиационные бомбы.

— У нас от взрыва в комнате вылетели все стекла, двери сорвало с петель взрывной волной. Это был сплошной ужас. Грохот, летящие стекла. Помню, как я помогал маме затыкать зияющие глазницы окон всякими тряпками. Январь, холод... Родильный дом был полностью уничтожен, два дома напротив него сложились, как карточные домики (они деревянные были), а у нас не осталось ни стекол, ни дверей.

Мама во время бомбежек вела себя, говоря современным языком, легкомысленно. Только пару раз она спустилась в бомбоубежище со мной на руках. Однажды, когда началась тревога, она сказала: «Сыночка, давай ляжем в постель. Убьет — так убьет нас вместе». Эти слова я хорошо запомнил.

Вот так мы и жили. На время бомбежек никуда не выходили — а потом и привыкли к ним. И — выжили.